

18+

Илья Владимирович Масляков

РИФМУЯ ЖИЗНЬ – 2

СТИХИ

Илья Масляков

Рифмуя жизнь – 2. Стихи

«Издательские решения»

Масляков И. В.

Рифмуя жизнь – 2. Стихи / И. В. Масляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980128-9

Стихи разных лет, пейзажные зарисовки, гражданская лирика, своими словами о любви. Ссылки на мои песни в интернете и немного моей графоманской души. Дополненное издание.

ISBN 978-5-44-980128-9

© Масляков И. В.
© Издательские решения

Содержание

1.Разное	6
2.Камчатское	12
3. Разговор 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рифмуя жизнь – 2
Стихи
Илья Владимирович Масляков

© Илья Владимирович Масляков, 2021

ISBN 978-5-4498-0128-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.Разное

Сон.

Старый дом.

Утро после свадьбы.

Шутка.

Голос.

2003

Дождь.

Белая ночь.

2002

Ночь.

2002

. Муха

(малая проза) **Банька.**

Я был деревом в прошлой жизни,
Стройным деревом с крепким корнем
И частенько пеший иль конный
Отдыхали под моей кроной.
А в ветвях моих было по сердцу
Гнезда вить пичугам беспечным,
Просыпался я под их трели,

Думал деревом буду вечно.
Я купался в солнечном свете,
Нежил листья в прохладе ветра я,
Пил всегда родниковую воду,
Доставая корнями недра.
Я давал каждый год побеги,
И рости, и холил примерно,
А вокруг уже лес разрастался
Я гордился собой безмерно.
Но однажды от острой боли
Я проснулся под визг пилы
И, теряя сознание, видел,
Как вгрызаются пилы и стволы.
Я молил о пощаде молча,
Не дал Бог деревьям речей,
Но никто меня не услышал,
Треск стоял по округе всей...
И очнулся я ранним утром,
Вся подушка была в слезах.
Я был деревом в прошлой жизни,
Стройным деревом в моих снах.
Мой тихий старый добрый дом
В саду заросшем за плетнем
И нем, и глух...
В глазницах окон темнота,
Не видно черного кота,
Замолк петух...
Над черепицей и трубой,
Давно не вьётся дым густой,
В печи зола...
И только маленький сверчок,
Забившийся на свой шесток,
Бормочет песню до утра.
Скрипит заржавленной петлей
Печаль скрывая за собой
Входная дверь...
Дом без людей совсем один,
Как престарелый господин,
Не до манер...
От бремени прожитых лет,
От одиночества и бед,
Он весь осел...
А ведь еще мой славный дед
Неся за всю семью ответ,
Над ним корпел...
И входит с ветром и дождем,
С воспоминаньем о былом,
В него тоска...
Лишь детство в комнате моей

Храня тепло счастливых дней,
Живёт ещё пока...
Живет ещё пока.
Играет радио на кухне...
Разбужен солнечным лучом. Лежу...
И взгляд мой отрешённый – блуждает.
Думы ни о чём.
Под потолком крутя восьмёрки, ревя, как сбитый мессершмидт,
Размеров бомбовоза муха, зелёная, как малахит.
Я фокусирую наводку и начинаю вспоминать – вчера.
Мы пили водку, водку, а что ещё? Подводит память...
С кем? Чёрная дыра.
А на столе стаканы, корки, окурки полировку жгут,
Да нет, затухли произвольно, без тяги родненьким капут.
Под потолком всё громче рокот, моторов гул и ветра вой- звучит,
А в голове моей ответом, как будто раздувая медь
Оркестр большой, да нет огромный – звенит, в литавры бьёт,
гремит.
И медленно, чтоб не затронуть струны моей измученной души,
Я опускаю взгляд направо... пугаюсь страшно, хоть кричи!!
Постель порядочно помята, а на подушке – я? Не я?
Какая-то подруга. Вопрос моя иль не моя?
Красива стерва словно нимфа, лежит кудряшки разметав
И щёчку подперев ладошкой, как перед кроликом удав.
А мысли медленно вращаясь, за ролики заходят все ж. Вопрос!
Какой удав и кролик? Я что на кролика похож?
Не разобраться без пол литра, темно, как в Ж, совсем ни зги.
И вдруг мой взгляд нашёл опору, среди разбросанных вещей —
Оно.
Ну, всё понятно стало, вновь проясняются мозги.
В углу меж лифчиком и платьем лежит краснея за меня, родной,
Серпастый-молоткастый, похоже мой, Советский Паспорт.
О браке вписаны слова.
Так это были не поминки? И эта нимфа не вдова!
Как я вчера друзья набрался, начав семейный путь едва...
Пути Господни неисповедимы, и провиденье, думается, слепо,
Мы встретились с тобой в Иерусалиме.
Как это было в сущности нелепо.
Ты только-только в самый сок входила, я воевал хронически с простатой,
Но что-то нас с тобой объединило, когда столкнулись мы у банкомата.
И очередь всего два человека, и даже климат непривычно жаркий —
Всё предрекало бурное развитие, роман, возможно, сказочный и яркий.
Слюну сглотнув, я мило улыбнулся и, шляпу приподняв, поклон отвесил.
Как здорово, что где-то за границей случайно русскую красотку встретил.
Сверкая лысиной и золочёным зубом, я был галантность, вежливость, задор,
Забыл про деньги, про жену в Ростове, про колики и слуховой прибор.
Нет, шекели так действовать не могут, хотя, конечно, общее начало,
Ты бёдрами тихонечко вильнула и мило так по-детски улыбалась.
Я был сражён и, словно собачонка, пошёл на поводке по белу свету.

Пусть ты совсем, совсем ещё девчонка, проходит в жизни всё, пройдёт и это.
Не думал, не гадал, и вдруг «Лолита» зажгла в моей груди огонь желанья,
Так далеко от матушки России, возникло чувство, жажды обладанья.
По древним мостовым я растекался растаявшим на солнце шоколадом,
И на мои попытки утвердиться, не разу не услышал я «не надо».....
Банально всё до чёртиков, до смеха: меня доили ровно две недели,
Потом твой муж внепланово приехал, застав нас у разобранной постели....
Я был представлен дядюшкой из Мгинска, ты помогала мне заправить койку,
Я избежал разящего удара и принял угрожающую стойку.
Ты лепетала, что врачом в России у моря Мёртвого мне был показан отдых,
Но он, поняв, наверное, в чём дело, заехал пару раз ногой мне в поддых.....
Окно, асфальт, визжали дико шины, я убегал, сверкали только пятки,
По древним мостовым Иерусалима так, как не бегал до сих пор, ребятки.
Собрав в кулак последнюю наличность, купил билет на чартер ниже классом,
Но будущим решил ударить летом по кислым водам нашего Кавказа.
Под переборы тихие гитары, мелодия по комнате плыла,
Ты пела нежно, робко, неумело, но песня эта за душу брала,
А по свечам слезами воск стекал, в камине пламя жаркое пылало,
И голос твой молитвенно звучал, как- будто ангела мне небеса послали,
Гитара повторяла ветра свист, под крики чаек слышал шум прибоя,
И словно плыл на белом корабле, в страну весны и грёз вдвоём с тобою.
Аккорд последний песни прозвучал и тишина настала неземная,
Лишь плавилась в подсвечнике свеча, последние секунды догорая.
Тихо-тихо по лужам шелестит мелкий дождик,
По аллеям, по крышам и по морю зонтов.
Краски лета размыты, и намокли прически.
И свинцовые волны бьются в арки мостов.
Посерели граниты над Невой у Сфинксов,
Не сверкает на солнце Петропавловский шпиль.
И Атланты продрогли под балконом на Невском.
Нудный дождик с туманом – это Питерский стиль
Спят кварталы, спят улицы, и затихли шаги.
Спят мосты разведенные, и туман у реки.
Сфинксы дремлют у берега, на Неве полный штиль.
Снится Сфинксам египетским дальний солнечный Нил.
Ленинград, словно сказочный, весь покрыт дивным сном.
Только мы, взявшись за руки, спящим Невским идем.
Улица чёрная глядит на меня,
Окон пустыми глазищами,
От фонаря, до фонаря,
Тьма разбегается нищими,
Шорохи, крики, кошачий концерт,
Запах мочи подворотен,
Ночь как шлюха манит к себе,
Зельем своим приворотным.
Чёрная улица траншеей дворов,
Город режет надвое,
Изредка чиркнув собой небосвод,
Звёзды в «колодцы» падают.

Вторя порывам хрипло скрипят,
Мрачных парадных двери,
Страх первобытный ночной темноты,
В душу крадётся зверем.
Лучик солнца осеннего, расцвел листопад,
Я стою у окошечка и ему очень рад,
Мужду рамами муха слишком вяло ползёт,
Если скроется солнышко, холод муху убьёт.

Моя тёща увлекается нетрадиционной медициной, в том смысле, что лечится чем попало, что товарки насоветуют, то и пробует на себе.

Приехали мы с женой, как-то к тёще на дачу, домик небольшой, кухня комната и банька-крохотулька на первом этаже, да спальня на втором. Вобщем-то целью моей поездки была именно банька, спальня у меня и дома имеется. Затопил я её, по трубам тепло бежит, вода булькает, температура подбирается к 100 градусам. Я распарил веничек, разделся, подкинул ещё дровишек, огонь в печи ревёт, трубы от кипящей воды начали вибрировать и вдруг хрясь, или блямс, или дзынь, что-то в парилке разбилось. Я заскакиваю в парилку и тут же с бешеными глазами и спёртым дыханием вылетаю обратно, глаза щиплет, в горле ком, не вздохнуть, ни соответственно п-нуть. Кричу теще, что за аммиак она хранит в парилке, а она из комнаты орет благим матом, что я разбил её лекарство. Оказывается тёща занялась уринотерапией и настаивала свою мочу рядом с каменкой на подводящей нагретую воду трубе, труба от температуры завибрировала, вся эта пардон, гадость грохнулась на каменку и тут же превратилась в облако удушливого аммиака и прочей химической отравы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Пришлось полностью заливать камни и промывать их, собирать стекла, в общем, когда я привёл баньку в надлежащий вид, париться уже расхотелось. С тех пор я предварительно обшариваю парилку на предмет нежелательных предметов и веществ. А баньку люблю и другим всегда советую, это и отдых, и здоровье, и рассказик можно написать при желании.

2002.

2002.

2002.

2001

2002

:~)))

2. Камчатское

Старый корабль.

. Циклон

(зарисовка) **Рассвет.**

(зарисовка с натуры) **Пять минут до ночи.**

(зарисовка) **На краю земли.**

Утро Авачи.

Моим друзьям.

Там в юности...

(шуточное) **Признание.**

Мой корабль одинок в сером сумраке моря.
Снасти старые треплет злой ветер приморья.
Краска слезла местами, металлом борта обнажила.
Тарахтит дизелек, и машины в трюмах еле живы.
Но, кряхтя и бранясь, из трубы черный дым выпуская,
Словно старый моряк, он привык и к штормам и скитаньям.
Сколько миль он прошел, что не снилось другим,
не мечталось.
Только к старости их ему очень немного осталось.
Чайки с криком прощальным над рубкой его пролетают.
Солнце в море ушло, и вечерние сумерки тают.
Знает мой старичок: не плескаться ему морской пеной,
Путь закончит, как все корабли, под струей автогена.
Аэропорт закрыт, не принимает.
Не отправляет так же никуда,
Идет циклон с Аляски на Камчатку,
А, мне представьте горе-не-беда.
Табло мигнув последний раз погасло.
Какой- то борт садится в Магадан,

Денька на три, а может быть и дольше,
Нас занесёт снегами ураган.
С погодой на Камчатке не поспоришь,
Уж коли край, то это край земли,
И при таком раскладе при суровом,
Молись на лётчиков, чтоб донесли.
Аэропорт дрожит от снежных залпов,
За окнами всё воеет и гремит,
Циклон идёт с Аляски на Камчатку,
А люд бывалый на баулах спит.
Вот кто-то расчехлил свою гитару,
А кто то в бога мать кляня циклон,
Запел надтреснутым, пропитым горлом,
И запустил по кругу самогон.
А на полу в бушлатах с вещмешками,
За Тихоокеанский грозный флот,
Братишки что по осени призвались,
Им каждый день в циклоне словно год.
С диспетчером небесным не поспоришь,
А я всегда надеюсь на авось,
Молюсь тихонько богу «Гидромета,»
Чтоб завтра утром солнце поднялось.
Под гул людской, под перебор гитары,
Под ветра вой, я так к нему привык,
Приладив рюкзачок вместо подушки,
Во сне уже лечу на материк.
Ещё сильна ночная мгла,
Туман к подножьям сопок льнёт
И первой птицы хриплый крик,
Рассвет с надеждою зовёт.
Дыханьем травы шевеля
Проснулся лёгкий ветерок,
Лениво Тихий океан
Отливом обнажил песок.
Светает. Рябью по воде
Сверкая солнца луч скользнул
И вдруг исчезла тишина,
В базаре птичьим потонув.
Как тихо, только шелест трав
И птицы запоздалой пенье,
Сейчас поглотит горизонт
Заката алое свечение,
Ещё от силы пять минут
Пробудет в забытии природа
И вновь на землю ночь придёт,
Звездой упавшей с небосвода.
На чёрных базальтах, открытых ветрам,
На краешке крохотном суши,
С утра гомонят призывая рассвет

Бакланы, гагары, олуши...
Озябшие за ночь, всё жмутся к скале,
Как будто она согревает
И душ ледяной от разбившихся волн,
По перьям слезами стекает.
Стоят не решаясь сорваться в пике
Над тёмно-зелёною бездной,
И взмахами крыльев внушают себе,
Что было б нырнуть полезно.
Вдруг чёрною свечкой отправился вниз,
Навстречу клокочущей пене,
Какой-то нетерпеливый баклан,
Под стоны, клёкот и пение.
В пучине исчез и минуту спустя,
Уже подлетел с добычей,
И жадно рыбёшку птенцы теребят,
На завтрак минтай привычный.
Поднявшись над бухтою солнце в зенит,
Лениво по небу катится,
А птичий базар своей жизнью живёт,
И белым помётом гадится.
Под грохот стотонной прибрежной волны
Несущейся скалам навстречу,
Ныряют с базальтовых круч в глубину,
Довольно прилично замечу.
Кормёжка, рыбалка, кормёжка опять,
Весь день световой в трудах,
И лишь на закате базар устаёт,
И забывается в снах.
Не долго возня на уступах слышна,
Короткий закат и ночь,
Лишь вечным волнам не смотря ни на что,
Базальты подмыть невмочь.
На краешке суши, над чёрною бездной,
Засунувши клюв под крыло,
Уснули бакланы, гагары, олуши,
Суровой природе назло.
Волна за волной бесконечно, волна набежит за волной
И вечности вестник беспечный, ласкает базальты прибой,
И месяц под белые руки рассветное солнце ведёт,
Над сонной Авачинской бухтой – день новых надежд настаёт.
Гудки теплоходов на рейде надрывно встречают зарю,
Я в зеркало бухты с волнением на город любимый смотрю,
На снежниках древних вулканов играют рассвета лучи
И чайка меж небом и морем простор рассекая кричит,
Буксиры в порту суетятся, бубня себе что-то под нос,
И песню солёной путины порыв с Сероглазки принёс.
Встаёт Петропавловск-Камчатский от летнего краткого сна,
За ним в новый день окупётся от моря до моря Страна.

Так долго, далеко, как будто в грезах,
Мои друзья на том краю земли.
А я стою один, вращая глобус,
И вижу Командора корабли.
Под жалобные крики белых чаек,
На фоне моря, сопок и снегов
Вхожу я в город юности и счастья,
Подставив ветру плечи парусов.
Меня не ждут, в лицо почти не помнят...
Шуршит тихонько галькою прибой,
И, проходя по улицам знакомым,
Я становлюсь опять самим собой.
Не надыхаться в волю ветром свежим,
Соленым, горьким, йодистым таким.
Я вспоминаю этот славный город
Портовым, рыбным, дружеским, морским.
Я так давно не видел вас, родные,
Соскучился по вам душою всей.
И я брожу, брожу, пока есть время,
По закоулкам памяти моей.
Знакомый дом... Подъезд... Этаж... Квартира...
За дверью этой детский смех звучит.
Звоню... Идут... Открылись тихо двери...
Немая сцена... Сердце лишь стучит.
Кружат ветра над сопками разлук,
Куда уже не суждено вернуться,
В безвременьи забывшись, вновь проснуться,
Там нет чинов, наград и нет заслуг.
Там все ещё равны перед судьбою,
Там нет предательства, бесчестия и лжи
И перед каждым будущность лежит,
Полярною влекущею звездой...
Ты отличаешься от всех, заходишь в порт так величаво,
И я подставив правый борт, пытаюсь рядышком причалить.
Звучит призывно мой гудок, и дым я кольцами пускаю,
Но на меня гордясь собой, внимания не обращают.
Да, что ты знаешь обо мне, о просоленном китобое,
Пускай я не велик собой, но это дело наживное.
Все пирсы северных портов, мне кранцы бортовые рвали,
А сколько я сменил движков, работников гребного вала.
Всем сердцем морю предан я, до малой клёпаной заплатки,
И банки мне известны все от Уэлена до Лопатки.
На мой прокуренный басок, морзянкой ты не отвечаешь,
О чём скажи на милость все ж, ты в этой гавани мечтаешь?
Тебе бы в пассажирский порт, там много всяких иностранцев,
Паромы в 10 этажей и шведов, и американцев.
Пока я расточал слова, буравил взглядом твои ванты...
Завидев белый теплоход, к нему пристроилась в кильватер.

19.12.2002

2003

3. Разговор 1

Окно напротив.

Саньке Демченко.

Песня южного ветра. Полинезия. Гоген.

Свидание.

Провинция.

Я ухожу.

А смысл?

Тихим, пасмурным....

Судьба, посвящается Светлане.

Живи, пожалуйста живи!

акварель Майское настроение.

Северный ветер.

Студентка. Картинка.

Наивное.

Моим хулителям.

Монолог усталой музы.

Зимние вёрсты.

**Максимке, а ныне Максиму Петровичу Болотову, как
быстро бежит время.**

Наташкам, октябрятам.

У тебя семья, у меня семья,
У тебя своя, у меня своя,
Жизнь в который раз,
То казнит, то милует
И растёт мой сын
Под чужой фамилией.
У меня любовь, у тебя любовь,
Тёща у меня, у тебя свекровь,
Мужу и жене не желая зла,
Жизнь тому назад нас судьба свела,
Окна в окна дом, много лет стоит,
За окном печаль свечкою горит
И сечёт в стекло дождичком косым,
У меня жена, у тебя наш сын.
Ничего не случилось, всё осталось, как прежде,
Только чуть поубавилось блеска в глазах,
Только призрачней стали мечты и надежды
И ночами терзает беспочвенный страх.
Ничего не случилось, мы такие, как были,
Только чаще вздыхаем и реже поём,
Стало меньше волос и фигуры оплыли,
Кто то спился, а кто то осел за бугром.
Ничего не случилось, только бегают дети,
Носят в школы и садики наши года,
Так же поздно ложимся, но встаём на рассвете,
Как жуки расползаясь по делам, кто куда.
Ничего не случилось, только сильно за тридцать,
Появились очки и морщинки у глаз,
Кто успел развестись, а кто снова жениться
И всё чаще родные уходят от нас.
Ничего не случилось, мы по прежнему живы
И всё так же счастливыми пробуем быть,
И хоть жизнь – суета, есть ещё в ней мотивы
По которым по прежнему хочется жить...

Паруса полногрудые голубого, бескрайнего неба,
Подставляем под струи океанских ветров,
Под форштевнем прозрачные, изумрудные волны,
Преломляют лучи перломутрово солнечных снов,
А над нами в полёте, то и дело о палубу брюхом
Плавники растопырив летучие рыбы порхают,
И искрятся глаза, и растянуты губы в улыбке,
О потерянном рае матросы блаженно мечтают.
Слышишь, с марса кричат, «Горизонт островами усыпан»,
Там кораллы атоллов белопенная лижет волна,
Там в укромной, лазоревой, тихой стояночной бухте,
Зазвенит, разольётся, доброй песней морскою струна.
В райских кущах тропических птиц разноцветье,
И призывные песни шоколадных весталок зари,
Мы пришли на Таити и хранители чёрных жемчужин
Стали в спешном порядке приворотное зелье варить.
Лёгкий бриз, нежный смех, жар горячих объятий,
Наступившие сумерки целомудренно скроют от глаз,
Как не зная стыда моряков Таитянки любили,
С первобытную страстью на песке, без прикрас...
Как был прав старина рисовавший беспечных Маори,
Среди пальм и цветов бравших женскою ласкою в плен
Он умел наслаждаться, бесхитростным счастьем природы
Бесконечный романтик, французский художник Гоген.
Твоя хрущёвка, пятый этаж,
Мне знакома звонка мелодия,
Стою за дверью минуты три,
Со стороны смотрюсь, как пародия.
Шляпа, розы и галстук-бабочка,
Пиджак и брюки в тон,
В квартире тихо... Нет ни кого?
С досады вырвался стон,
В мозгах кручу такую картину,
Цветы в урну, бабочку с шеи долой,
Бес попутал прийти на свидание,
Бегом по лестнице и домой.
Вдруг слышу шлёпанье ног босых,
По крытому кафелем полу,
В глазке тень мелькнула, открылась дверь,
Я вижу тебя почти голую.
В проёме стоишь, махровый халат,
В спешке накинут на плечи,
Бежала из ванной боясь, что уйду,
Я просто теряю дар речи.
Глаза отвела стыдливо вниз,
Румянец горит на щеках
И капли воды на тугой груди,
Горят в электро-лучах,
Улыбка девичья манит к себе,

Но образ разрушить боюсь,
Беги одевайся моя краса,
Я сам тут пока разберусь.
Пиджак тяжелит бутылка вина,
В кармане кулёк конфет,
Пошарив глазами фужеры нашёл,
Любуюсь портвейном на свет.
Для роз не заметил вазы пока,
Но им уже всё равно,
А может удастся ещё спасти,
Я видел в каком-то кино,
Их в воду сейчас хорошо целиком,
И чтоб полежали часок,
Кору подрезать на стебельках,
В бутоны пошёл бы сок.
Минуты идут одна за другой,
Из ванной доносится пение,
Как долго наводят девчонки красу,
Сугубо мужское мнение.
На сервировку любуюсь свою,
Слегка поправляю посуду,
Вдруг нежные руки коснулись лица,
Наверное счастлив с ней буду.
Я повернулся вокруг оси,
И счастье в объятьях сжал,
Потом ослабил свои тиски,
И на руки нежно поднял.
Зачем мне вино? Я губами её напыюсь,
До чертей в глазах,
Весь мир ни к чему, я блаженство быть с ней,
Видел в волшебных снах.
В глазах её синих, как моря даль,
Корабль мой пошёл ко дну,
Спасите не смог прокричать капитан,
Не смог прокричать тону,
Я продолжаю её целовать,
Встречаются жадно губы,
И шепчет она на вопросы мои,
Что любит меня, что любит.
Я свет потушил, положил на кровать,
Свой драгоценный груз,
И вспомнил зачем на свиданье пришёл...
А брачный создать союз.
Сонная провинция, жизни ритм привычный,
Пылью дышат улицы, яблони в цвету,
Утром с коромыслами, гроыхая вёдрами,
За водой к колонкам женщины идут.
На цепях во двориках псы лениво лаются,
Кошка на поленнице выгнулась дугой,

Тетки в магазинчике балуются сплетнями,
«Говорят от Зинки муж ушёл к другой».
Чистая, неспешная речка тихо движется,
С мостика мальчишки ловят пескарей,
В церковь на заутренню собирает жителей,
Колокольным звоном старый иерей.
Тихая провинция, школа двухэтажная,
Поредел, состарился штат учителей,
Только МарьяИвановна, ждёт, как в давней юности,
Свой десятый, первый, выпуск у дверей.
Скромная провинция, всеми позабытая,
Жизнь остановилась много лет назад,
Лишь стихи о Родине виновато пишутся,
Дом построен, сын растёт... яблоневый сад?!?...
Я ухожу, оставив на прощанье
В твоих ладонях след от щетИны,
И лёгкий перегар, от алкоголя,
И трёшник, и за чай и за блины.
Ты можешь плакать, можешь даже биться,
О стену своей светлой головой,
Я ухожу, надеясь, что прибудет,
В душе твоей согласие и покой.
Быть может, заведёшь себе собачку,
Иль станешь молча гладью вышивать,
И вечерами нагуляв желанье,
С тоской в глазах, сама себя ласкать.
Я ухожу, звенят ключи в прихожей,
Они мне больше будут не нужны,
Найду себе нежнее и моложе,
Средь одиноких баб моей страны.
Прощай, уже подъехал лифт за мною,
В нём «стоп» нажав ты скромно отдалась,
Романтика, азарт и всё такое,
Прошли года, а словно в первый раз!
Смиришься, перебесишься, поверишь,
Что жить нам вместе дальше не с руки,
Любовь и секс, как день и ночь разнятся,
У нас с тобою не было любви.
День прошёл, безвозвратно,
Завтра новый пройдёт,
Жить, чтоб снова плодиться,
Вечный круговорот.
Быть, чтоб есть, есть чтоб быть,
Оплывая вещами,
На комодке семь слоников,
Поминайте, как звали.
Тихим, пасмурным утром, дождём шелестящим по крыше,
Ты уйдёшь от меня, двери в спальню тихонько прикрыв,
И растаешь, как сон, как туман, как звезда на рассвете,

Щёлкнет сухо замок, навсегда о тебе позабыв.
Я не буду страдать и пытаться осмыслить потерю,
И тебя не успею тяжким вздохом спросить ни о чём,
Это странное чувство, я просто в реальность поверю,
Что тебя больше нет, и в постели свернусь калачом.
Может я как ребёнок, боящийся мрака ночного,
Одеялом накрывшись, утра свет растворила во тьме,
Просто знаю, что чувства, пылавшие чувства истлели,
Ну а жить по привычке, противно и мне и тебе...
Я приду в этот пасмурный вечер,
С настроением серая-грусть,
Тихой нежностью ты меня встретишь,
Виновато в ответ улыбнусь.
Ты не спросишь, где был и что делал,
Почему столько дней не звонил,
С кем вдвоём проводил своё время,
Сколько женщин любовью сгубил.
Просто станешь любить беспредельно,
У камина в мерцающей мгле,
И на ушко шептать, что скучала,
Что прощаешь все шалости мне,
Ну, а после устав от ласканий,
Мне подмышку уткнувшись уснёшь,
И пойму наконец-то, родная,
От судьбы никуда не уйдёшь.
Слаба медицина, увы,
А люди извечно невечны,
И росной рассветной порой,
Ты с вечностью будешь повенчана...
Ты знаешь, что скоро умрёшь,
Погасшей звездой на рассвете
И имя твоё прошуршит
Листвой изумрудною ветер,
И эхом весенней грозы,
В далёком, таёжном распадке,
Твой искренний смех отзвучит
В брезентовой мокрой палатке.
И завтра наступит опять,
Но только тебя в нём не будет,
А время своей чередой
Менять будет серые будни.
Ты знаешь, что скоро умрёшь,
Дыханием нежным прощальным,
Ты тихо меня позовёшь
И песнею станешь печальной.
И горькой, горючей слезой,
Щекотно мне щёки лаская,
Ты в землю сырую уйдёшь,
Такая родная, родная....

За окном тёплым ливнем расплакались майские грозы,
В ярких, радужных спектрах сверкание капель дождя,
С изумрудной травой и весеннею липкой листвою
Просыпаются чувства и душу мою бережат.
И для счастья порою немного, мне кажется, нужно:
Шум дождя, детский смех и улыбка твоя,
И на майском закате, устав от забот повседневных,
Вместо сна тихо слушать щемящую трель соловья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.